

text

Konstantin Lidin

Our material world has three aspects. Its tangible aspect reflects the invariability of this world. Its energy aspect reflects its ability to change and move. Having a structure is expressed in the informational aspect of the world. Actually, each aspect is just a mode of seeing this world, like a projection on one of the three planes in drafting. Such perception was invented by people long ago and can be found in the ancient Indian Vedas. Vishnu the Preserver personifies invariability, Shiva the Destroyer embodies changeability, and Brahma the Creator represents structure and order of the world opposed to Chaos.

From the tangible point of view, a human being looks rather modest. In the aspect of the world's invariability, he is nothing but a few buckets of salt water and a sackful of calcium phosphate.

In terms of energy, a human being generates only one-tenth of one horsepower. His energy efficiency, i.e. power-to-weight ratio, is tens of times less than that of a dove.

In the sense of information, the situation is quite different. Human personality's structure is so complex that its 'informational volume' is hard to imagine. All the knowledge accumulated

by mankind, contents of all the libraries and the Internet, movies and pictures, music and voices put together just approximate the informational volume of a single human personality.

A human being and the surrounding world are constantly exchanging matter in all its aspects. The informational exchange is of our main interest. The amount of information exchanged between a human being and the environment is as large as the 'informational human being'. A huge, full-flowing river of information is constantly running into the inner world of the personality.

We automatically divide this flow into images. An image is a fragment singled out from the informational flow, like a bucket of water taken from the river. The form of the image, its 'shell' or 'presentation' (according to Roland Barthes), consists of colors and lines, sounds and rhythms, words and movements – everything a human being can perceive with his senses, either directly or indirectly. The image contents, or the 'water' (Barthes' 'concept'), that assumes the shape of the 'bucket', can change its shape. As water can be poured from one container to another, a

Когерентные города / Coherent Cities

текст

Konstantin Lidin

Материальный мир, в котором мы обитаем и частью которого являемся, существует в трех аспектах. Аспект вещественный отражает способность мира оставаться неизменным. Способность мира меняться, двигаться отражает энергетический аспект. Способность иметь структуру воплощена в информационном аспекте мира. Каждый из аспектов фактически это лишь способ видеть мир, наподобие проекций детали в трех плоскостях на чертеже. Подобное восприятие придумано людьми задолго до наших дней, его можно найти уже в древнейших Ведах. Индийский Вишну, Хранитель – персонафикация неизменности, Шива-Разрушитель – воплощение изменчивости, а Брахма-Создатель олицетворяет структуру, порядок мира, противостоящий Хаосу.

С вещественной точки зрения человек выглядит довольно скромно. Несколько ведер соленой воды и мешок фосфорнокислого кальция – вот что представляет собой человек в аспекте неизменности мира.

В плане энергии человек также невелик. Его мощность составляет примерно одну десятую лошадиной силы, а энергетическая эффективность, то есть удель-

ная мощность на единицу массы, в десятки раз меньше, чем, например, у обычного голубя.

Совершенно иначе человек выглядит в информационном плане. Человеческая личность представляет собой настолько сложную структуру, что ее «информационный объем» даже трудно себе представить. Все накопленные человечеством знания, содержимое всех библиотек и Интернета, кинофильмы и картинки, музыка и голоса, все это вместе взятое лишь приближается к информационному объему одной-единственной человеческой личности.

Между человеком и окружающим миром непрерывно протекает обмен материей во всех ее аспектах. Нас, естественно, интересует в основном информационный обмен. Количество информации, которое человек обменивается с окружающей средой, столь же огромен, как и сам «информационный человек».

Гигантская, полноводная река информации непрерывнопадает во внутреннее пространство человеческой личности.

Привычно и не задумываясь мы делим этот поток на образы. Образ – это выделенный фрагмент информационного потока, наподобие ведра, зачерпнутого из реки. Форма образа, его «оболочка», «презентация» (термин Ролана Барта) состоит из красок и линий, из звуков и ритмов, из слов, движений – из всего того, что человек может воспринять органами чувств, напрямую или опосредованно. Содержание образа, та «вода» («концепт», по Барту), которая приобретает форму благодаря «ведру», может менять форму. Как воду можно перелить из одной емкости в другую, так же можно превратить сценарий в кинофильм, роман – в балет, а картину – в ее словесное описание.

Форма также может поменять содержание. В этом случае образуется миф. Посмотрите, например, на свастикку – один из древнейших солнечных символов графической магии. Начиная с наскальных росписей неолита, свастика присутствует практически во всех культурах, на всех континентах и во всех эпохах. Однако сегодняшний житель западного мира вряд ли вспомнит о первоначальных смыслах свастикки. Миф, созданный

> План Вавилона (шумеро-аккадский период). Структура города четко центрирована, информация может двигаться лишь по кругу либо пульсировать в радиальных направлениях – интенсивность информационных потоков минимальная / The plan of Babylon (the Shumerian-Akkadian period). The city structure is strictly centric. The information can only move in a circle or pulsate radially. The intensity of informational flows is minimal.

scenario can be turned into a movie, a novel – into a ballet, a painting – into its verbal description.

A form can also change its content. It results in a myth. For example, a swastika, one of the oldest solar symbols of the graphical magic. Starting from rock paintings of the Neolithic age, swastika has been present almost in every culture, every continent and every epoch. However, our western contemporaries can hardly remember the swastika's original meaning. The myth created by national socialists has forced the initial image out of the mass consciousness.

One cannot place any content in any form. It is senseless to pour mud into a cutglass vase or water from a swimming pool into a glass. There should be certain agreement between form and content. In his "The System of Objects", Jean Baudrillard says: "... a luxury car is in a red described as 'unique'. What 'unique' implies here is not simply that this red can be found nowhere else, but also that it is one with the car's other attributes: the red is not an 'extra'. But no sooner does this colour appear ever so slightly changed on a more 'commercial' car that it becomes the red of thousands of others – a mere detail or accessory

feature of cars that are red as an 'extra', because they might just as well be green or black"¹. Disagreement and inconsistency between form and content gives the image an unpleasant tinge of falsehood. If the colour does not 'convey' what the car body lines do, it means that 'one of them is lying'.

The image with all the elements of form agreed with each other and with content is called coherent. It is coherent images that deeply stir sophisticated souls. It is coherent images that trigger emotions of extraordinary intensity. To experience such emotions people buy coherent images, so the market of such images has grown on a global scale. In terms of total sales, the market of the images produced by Hollywood or Bollywood, fiction or theatre, architecture or design is as big as the world oil and metal markets, and its influence on the global economy is definitely greater. Various crises only hasten the growth of this market.

Coherent images become a part and parcel of goods very quickly. An item can hardly be competitive unless it comes with an exciting image. Even a box of drawing pins is decorated with a bright label. Cities and countries have to create personal

национал-социалистами, вытеснил изначальный образ из массового сознания.

Не всякое содержание можно поместить во всякую форму. Неуместно наливать грязную жижу в хрустальную вазу, и никаким образом нельзя влить в стакан содержимое плавательного бассейна. Согласованность, соответствие формы содержанию можно почувствовать. В книге «Система вещей» Жан Бодрийар приводит такой пример: «...роскошный автомобиль уникального красного цвета; «уникальность» означает здесь не только то, что такого красного цвета больше нигде не найти, но и то, что он образует одно целое со всеми другими качествами машины – она не то чтобы «еще и красная». Но стоит красному цвету более «коммерческой» модели стать чуть-чуть иным, как сразу оказывается, что это цвет тысяч других машин, – и он тут же низводится до уровня детали, аксессуара; машина «вдобавок еще и красная», поскольку она могла бы быть зеленой или черной»¹. Рассогласованность, противоречивость формы и содержания придает образу неприятное ощущение лживости. Если цвет «говорит» не то, что линии кузова, – значит, «кто-то из них врет».

Образ, в котором все элементы формы согласованы друг с другом и с содержанием, называется когерентным. Именно такие, когерентные образы до глубины души волнуют людей, не лишенных эстетического чувства. Когерентные образы порой обжигают таким накалом эмоций, которого нам не дано пережить в нашей обыденной жизни. Ради удовольствия переживания таких эмоций люди согласны покупать когерентные образы, и рынок образов приобрел поистине глобальные масштабы. Образы, которые производит Голливуд и Болливуд, художественная литература и театр, архитектура и дизайн – все это вместе взятое по объемам продаж не уступает мировым рынкам нефти и металлов, а по своему влиянию на глобальную экономику наверняка превосходит их. Кризисы только ускоряют рост этого рынка.

Когерентные образы быстро превращаются в обязательный элемент любого другого товара. Уже почти ничто не может быть конкурентоспособным, если не

идет «в комплекте» с волнующим образом. Коробка канцелярских кнопок, и та снабжена яркой этикеткой. Города и страны, состязаясь за внимание туристов, инвесторов и постоянных жителей, должны разрабатывать собственные бренды и товарные знаки. Город, который не смог привязать к себе когерентный образ, не смог создать миф о себе, обречен на депрессию, потому что теряет привлекательность даже для собственных жителей.

Современная экономика городов сосредоточена главным образом на вещественной и энергетической составляющей тех потоков, которые и определяют комфортность жизни в городе. Он воспринимается как недвижимость: земля под застройку, здания и строе-

1. Бодрийар Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 2001.

FIGURE 1. Plan of the site of el-Amarna (source: Ann Jones).

< План Ахетатона – пример линейного города. Сквозная структура города стимулирует информационные потоки максимальной интенсивности, а вместе с ними – поток новшеств / The plan of Akhetaton is an example of the linear city. Its cut-through structure stimulates informational flows of maximum intensity together with a flow of novelty.

> План перестройки структуры Ленинграда, 1932 год. Приведение планировки к радиально-концентрической схеме, напоминаящей Москву, идеологически могло повлечь за собой смену менталитета ленинградцев на более спокойный. Похожие изменения предполагались в планах Свердловска, Тбилиси, Еревана... / ... / The reconstruction plan of Leningrad, 1932. The effort to make the layout radial-concentric, like in Moscow, was aimed at calming down the mentality of Leningrad citizens. Similar changes were planned for the plans of Sverdlovsk, Tbilisi, Erevan etc.

brands to attract tourists, investors and inhabitants. The city that failed to secure a coherent image or create a myth about itself is doomed to depression, being no more attractive even for its own citizens.

Modern urban economy is mostly focused on the tangible and energy aspects of the flows that determine the comfort of city life. The city is treated as immovable property: the ground for development, buildings on the ground, utilities under the ground, etc. The city energy systems (transport, heating and electricity) are analyzed and developed. However, informational flows, the flows of images running through the urban fabric, are rarely studied by urbanists.

Any flow (including the information flow) can be strong, intensive or weak. At the same time it can be well-ordered or chaotic. According to the characteristics of the information flow, there are four types of the city structure.

Historically, the type of the city based on the minimum intensity of information flows was the first. The people of Mesopotamia and Ancient Egypt worshiped Eternity. Stability and invariability were their highest values. They disliked and

even feared any changes. Their desire for stability formed a concentric urban structure with a well-defined center combining administrative, sacral and political functions². This planning of Babylon remained through the times of Sumerians, Akkadians, Hittites and Assyrians. The plans of fortress cities of the early Middle Ages were of the same nature. The idea of eternity was also embodied in the concentric accuracy of the 'ideal cities' naively and fanatically created by the medieval utopianists.

The ideas of an eternal city remained appealing in the modern age. In the early 1930-s, the period of stabilization of the Soviet society, the Leningrad reconstruction plans were worked out to relieve the revolutionary ambiance of 'the cradle of the revolution'. The architects L. Ilyin and V. Vitman proposed to relocate the center to the intersection of Moskovsky Avenue and the semicircular main road. The extra monumental House of Soviets was planned to be the focal point of the new downtown area. In 1938-1940 the plan of Leningrad was amended (N. Baranov and A. Naumov with the participation of E. Katonin) so that the development was to become more dense and centrali-

^ Генеральный проект планировки Ленинграда. Разработан АПО Ленсовета в 1939 году. Проектировали: архитекторы Н.В. Баранов, А.И. Наумов, проф. Е.И. Катонин, архитекторы П.Н. Твардлевский, М.П. Лохманов, А.Ф. Романов, М.П. Лавров / Masterplan of Leningrad

ния на земле, коммунальные сети под землей и так далее. Анализируются и строятся энергетические системы города – транспорт, теплоснабжение, электрические сети. Но крайне редко в поле зрения урбанистов попадают информационные потоки, потоки образов, протекающие сквозь ткань городов.

Любой поток (в том числе – информационный) может быть сильным, интенсивным или слабым. В то же время он может быть упорядоченным или хаотичным. В соответствии с параметрами потока информации можно выделить и четыре типа городской структуры.

Исторически первым, по-видимому, появился тип города, ориентированного на минимальную интенсивность информационных потоков. Жители городов Месопотамии и Древнего Египта поклонялись

Вечности. Стабильность, неизменность почиталась ими как высшая ценность, а любые перемены воспринимались неприязненно или даже катастрофично.

Стремление к стабильности формировало концентрическую структуру города с выраженным центром, совмещающим функции административные, сакральные и политические². Такой планировка Вавилона оставалась при шумерах, аккадах, хеттах и ассирийцах. Аналогичным принципам следовали планировки городов-крепостей раннего Средневековья, а «идеальные города» средневековых утопистов своей концентрической правильностью воплощают идею вечности со всем возможным наивным фанатизмом.

Идеи вечного города не потеряли привлекательности и в новое время. В начале 30-х годов XX века, в период стабилизации советского общества, разрабаты-

zed. Only the war prevented Leningrad from turning into a semblance of Moscow³.

On the contrary, the desire for maximum increase of information (image-bearing) flows, the pursuit of novelty and changes is expressed in the linear city structure. One of the oldest examples is the city of Akhetaton, the capital built by the Pharaoh-reformer Ekhнатон (Amenkhotep IV). From the beginning the city was founded as a multicenter structure: Pharaoh's Palace and the chancery were located in the center, Queen Nefertitti's Palace – in the north; the armory, the police and the parade square – in the western part of the city; and the rich residential quarters for the court nobility – in its southern part. The city extended along the bank of the Nile, the main transport artery of the country. The whole city structure was aimed at easy 'running' of big flows of information.

In the late 1920-s N. A. Ladovsky proposed his famous Moscow development project (Ladovsky Parabola). The plan tried to break one of the rings of the concentric city structure to turn Moscow into a 'dinapolis' (the term was introduced by K.

Doxiadis 30 years later). However, this project yielded precedence to the concept of limited development. According to the master plan of 1935, the population was not supposed to exceed five million people, and the number of new enterprises was restricted to municipal services only⁴.

The desire to achieve maximum order in information flows causes distinct crystal structures, which disregard the terrain, the wind rose, ethnic and property zoning and other natural and social urban realities. After the master plan of Manhattan of 1807 was adopted, the linguist and poet Clement Clarke Moore said about the authors: "These are men who would have cut down the seven hills of Rome"⁵. However, the example of Manhattan was rather attractive for other cities, which plans are primarily focused on order. Chandigarh and New Delhi, Astana and Eixample district in Barcelona have a clear structure based on the main values: Order, Law and Reason.

The well-ordered structure is opposed by the absence of any structure. The slums and criminal districts, bidonvilles and favelas have one common feature: all these urban phenomena are

вались планы перестройки Ленинграда с целью привести «колыбель революции» в менее революционное состояние. Архитекторы Л. Ильин и В. Витман предложили перенести центр города в район пересечения Московского проспекта с дуговой (полукольцевой) магистралью. Фокусом нового центра должно было стать сверхмонументальное здание Дома Советов. В 1938–1940 годы план развития Ленинграда был пересмотрен в сторону еще большей плотности и централизованности застройки (Н. Баранов и А. Наумов при участии Е. Катонина). Только война помешала превратить Ленинград в некое подобие Москвы³.

Прямо противоположное стремление к максимальному наращиванию информационных (образных) потоков, стремление к новизне и переменам воплощается в линейной структуре города. Один из самых древних примеров такого рода – город Ахетатон, столица фараона-реформатора Эхнатона (Аменхотепа IV). С самого начала постройки город закладывался как многоцентровая структура: дворец фараона и канцелярия находились в центре, а дворец царицы Нефертити – на севере, в западной части города располагались арсенал, полиция и площадь для парадов, а в южной – богатые кварталы придворных чиновников. Весь город вытянут вдоль берега Нила, главной транспортной артерии страны, и вся его структура подчинена задаче свободного «прокачивания» больших потоков информации.

Известный проект развития Москвы, предложенный Н. А. Ладовским в конце 1920-х годов («парабола Ладовского») как раз и предполагал размыкание одного из колец концентрической структуры города с целью превращения Москвы в «динаполис» (термин введен К. Доксиадисом на тридцать лет позже). Однако победила концепция, включающая ограничение развития. Согласно генеральному плану 1935 года, население не должно было превысить пяти миллионов человек и никакие новые предприятия, кроме непосредственно обслуживающих городские нужды, не должны были появляться в столице⁴.

Стремление к максимальной упорядоченности

информационных потоков вызывает к жизни четкие, кристаллические структуры, игнорирующие рельеф местности, розу ветров, этническое и имущественное районирование и вообще все природные и социальные реалии города. После принятия генерального плана застройки Манхэттена 1807 года лингвист и поэт Генри Мур писал об его авторах: «Эти люди из тех, кто готов срыть семь холмов Рима»⁵. Однако опыт Манхэттена оказался весьма привлекательным. Многие города в своей планировке стремятся в первую очередь к порядку. Четкая структура Чандигарха и Нью-Дели, Астаны и барселонского района Эшампле – все это примеры градостроительных решений, для которых Порядок, Закон и Разум стали основными ценностями и целями.

Противоположностью упорядоченной структуры является, очевидно, отсутствие всякой структуры. Трущобные и криминализованные районы, бидонвилли и фовелы разного рода объединяет одно – все эти градостроительные феномены хаотичны, бесструктурны. Соответственно, в них концентрируются люди, склонные к жизни в хаосе и беззаконии – люди азартные, не верящие в смысл и ценность порядка.

Любой из четырех принципов организации информационных потоков, будучи доведен до своего крайнего выражения, подавляет остальные три и принимает бесчеловечные формы. Выбрав одну из четырех базовых ценностей, мы вынуждены отобрать смысл и цель жизни у тех горожан, которые привержены другим базовым ценностям. Что бы мы ни выбрали, три четверти населения города будет воспринимать этот выбор как насилие и несправедливость по отношению к себе.

Роль общественных пространств с точки зрения структуры информационных потоков в городе может быть двоякой. Более простой и очевидный подход заключается в том, что общественные пространства, их количество и качество подчиняется общей идее, преобладающей в структуре города. Площади и парки Запретного города в Пекине четко вписаны в его квадратную концентрическую структуру. По плану рекон-

2. О связи структуры городов с идеологией их строителей см.: Лидин К. Со стержнем и без. Центр города как носитель структурного образа // Проект Байкал. 2007. № 13. С. 99–102.

3. История советской архитектуры (1917–1954 гг.): учеб. для архит. спец. вузов / под ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушина. М.: Стройиздат, 1985. 256 с.: ил.

4. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001.

5. Gray, Christopher. Are Manhattan's Right Angles Wrong? // The New York Times. 2005. 23 oct.

chaotic and structureless. Accordingly, they are inhabited by venturesome people who are inclined to live in chaos and lawlessness and make little account of order.

If one of the four principles of information flow arrangement is applied to the utmost, it suppresses the other three principles and becomes outrageous. When we choose one of the four basic values, we take away the aim and the purpose of life from those people who have different basic values. Whatever we choose, three-quarter of the city population would consider it violence and injustice against them.

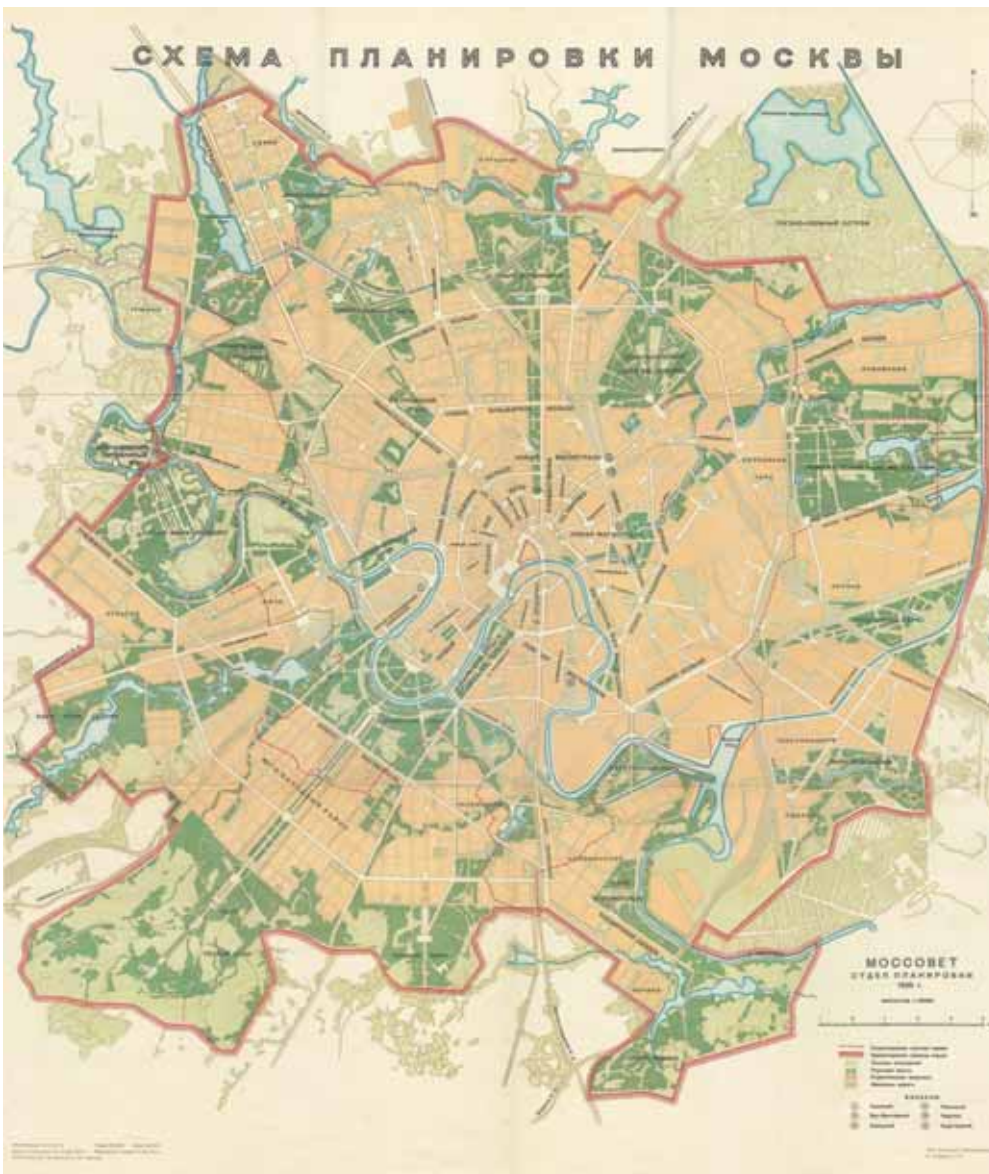
In view of the structure of information flows, the role of the city public spaces can be double. The simplest concept is that the quantity and quality of public spaces is subject to a common idea prevailing in the city structure. The squares and parks of the Forbidden City in Beijing are strictly inscribed in its square concentric structure. According to the reconstruction plan of Barcelona worked out by Ildefonso Cerda, a strict grid of rectangular modules includes similar public gardens for each module and standardized well-ordered boulevards in diagonal axes. The public spaces of the linear city are 'flowing' and imply energy,

people and transport (information in general) moving through them. All this makes the city look uncomfortable and inhuman in the eye of the majority of citizens.

There is also another approach that treats public spaces as a counterbalance to the prevailing tendency. For example, the Central Park in New York with its irregular outlines and intentionally untrimmed plants counterbalances the accurate street grid. The airspace photograph of Zurich shows how the strict structure of residential areas alternates with chaotic spots of greenery and curved lines of river and lake banks. The same is the picture of Vancouver and Melbourne, where the life is officially considered the most comfortable.

According to Mercer's data, for several years Vienna has been the most comfortable city in the world. Vienna is also highly estimated even by the Anglocentric Economist magazine: in 2011 it was the second city after Melbourne⁶.

The plan of Vienna looks multilayered. Its downtown bordered by Ringstrasse has an old concentric structure of a fortress city. This part of the city is filled with antiquity and traditions. Even not very old buildings (built in the 19-20th centuries)

струкции Барселона Ильдефонсо Сарда четкая сетка прямоугольных модулей должна была включать одинаковые скверики для каждого модуля и стандартизованные, предельно упорядоченные бульвары в диагональных осях. Общественные пространства линейного города носят «проточный» характер и предполагают движение энергии, людей и транспорта (в общем, движение информации) сквозь них. Все эти случаи придают городу дискомфортный, антигуманный характер с точки зрения большинства его жителей.

Возможен и другой подход – если рассматривать общественные пространства в качестве противовесов, компенсаторов господствующей тенденции. Так, Центральный парк Нью-Йорка с его неправильными очертаниями и подчеркнуто непричесанной растительностью уравновешивает минеральную правильность сетки улиц. На аэрокосмической фотографии Цюриха видно, как четкая структура жилых кварталов чередуется с хаотическими пятнами зелени и извилистыми линиями речных и озерных берегов. Аналогичное впечатление производит и Ванкувер, и Мельбурн – города, жизнь в которых официально признана наиболее комфортной.

Несколько лет подряд первое место в мире среди самых комфортных городов, по оценкам агентства Мерсье (Mercer), занимает Вена. Впрочем, по оценкам

< Генплан развития Москвы 1935 года.

«При определении размеров и планировке территории г. Москвы исходить из постановления июньского пленума ЦК ВКП(б) 1931 г. о нецелесообразности создания городов-гигантов с нагромождением большого количества предприятий в сложившихся крупных городских центрах и недопустимости строить в дальнейшем новые промышленные предприятия в г. Москве.

В соответствии с этим ограничить пределы роста г. Москвы и принять в основу расчетов роста территории города численность городского населения примерно в 5 млн. человек, с полным обслуживанием бытовых и культурных потребностей этого населения (жилища, городской транспорт, водоснабжение и канализация, школы, больницы, торговая сеть, столовые и т. д.)».

Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) 10 июля 1935 г. / Moscow development masterplan of 1935

maintain the historical style. Beyond the second ring, Gürtel, there are modern districts which deviate from the principle of invariability. On the other bank of the Danube the linear structure is also obvious. It is composed of the grid of the roads running parallel and perpendicular to the river. Besides, in such districts as Erla, Liesing, Ottakring and Mariabrunn there is a smooth transition between a well-ordered grid of roads and irregular spots of parks and suburban gardens.

The urban area is divided as follows⁷:

Built-up area	11.3%
Transportation area.....	11.1%
Railway area.....	2.2%
Parks.....	28.4%
Water area	4.6%
Vineyards.....	1.7%
Timberland	16.6%
Agricultural area	15.8%
Other	8.3%

It is seen that public spaces (parks, roads, water reservoirs, forests and even vineyards) occupy a territory several times lar-

ger than the built-up area. Naturally, given such a strong 'counterbalance', the development can have whatever inclination: to centric, linear, ordered or chaotic character. A huge urban space that preserves natural coherence protects comfortability of the city from architectural and construction mistakes.

The theory and practice of urban planning are currently examining the properties of the images and how to make them coherent. This work, which is still so unusual for the majority of professionals, responds to one of the most important challenges of the 21st century. Not homemade, but commercial-scale production of coherent images is on the agenda. An exciting and strong image should not be a result of a rare creative success that demands a special talent and a long quest for inspiration. Any object or any element of milieu should become an example of the finest beauty. A human being of the new millennium wants to be surrounded by aesthetic and true images. None of the constitutions has yet declared the Right to Beauty and Truth. But it is this right that constitutes the current stage of society's evolution and a target of today's urban planning.

англоцентричного журнала Экономист (The Economist), Вена тоже оценена высоко и занимает в 2011 году второе место после Мельбурна⁶.

Планировка Вены производит впечатление многослойности. В центральной части, ограниченной Рингштрассе, отчетливо просматривается старинная концентрическая структура города-крепости. Эта часть города пропитана стариной и традициями, здесь даже относительно новые здания (XIX–XX веков постройки) придерживаются стилистики историзма. Тема неизменности слабеет ко второму кольцу – Гюртель, за которым начинаются современные районы. На другом же берегу Дуная так же отчетливо просматривается линейная структура, образованная сеткой дорог, параллельных и перпендикулярных реке. Наконец, районы Эрла, Лизинг, Оттакринг, Мариабрун демонстрируют плавный переход упорядоченной сетки улиц в неправильные пятна парков и пригородных садов.

Площадь города распределена следующим образом⁷:

Застроенная земля.....	11,3 %
Дорожные площади	11,1 %
Железнодорожные площади	2,2 %
Парки	28,4 %
Водные площади	4,6 %
Виноградники.....	1,7 %
Лесные участки	16,6 %
Сельхоз-площади.....	15,8 %
Прочее	8,3 %

Легко видеть, что общественные пространства – парки, дороги, водоемы и леса, и даже виноградники – занимают площадь, в несколько раз большую, чем площадь регулярной застройки. Вполне понятно, что при таком мощном «противовесе» застройка может иметь какой угодно перекося – в центричность, линейность, упорядоченность либо хаотичность. Огромный объем городского пространства, в образном плане сохраняющего природную когерентность, надежно защищает комфортность города от ошибок архитектурно-строительного комплекса.

Теория и практика градостроительства сегодня исследуют свойства образов и методы придания им когерентности. Эта, для большинства профессионалов еще очень непривычная работа – ответ на один из главных вызовов XI века. На повестке дня стоит уже не кустарное, а промышленное изготовление когерентных образов. Волнующий, сильный образ больше не должен появляться в результате редкой творческой удачи, требующей особого таланта и долгих поисков на ощупь. Любая вещь, любой элемент среды обитания должны стать носителями высокой красоты. Человек нового тысячелетия хочет жить в среде, насыщенной эстетически полноценными, правдивыми образами. Право Человека на Красоту и Правду пока что не записано ни в одной конституции. Но именно это право составляет содержание сегодняшнего этапа развития общества, и именно оно составляет предмет и цель современного градостроительства.

6. Самые комфортные для жизни города мира. РБК. <http://rating.rbc.ru/article.shtml?2009/06/25/32478953>

7. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BD%D0%B0>

< План Вены в 1824 году. "Слоистая" структура города складывается в период расцвета Австрийской империи в первой половине XIX века. После разгрома наполеоновской Франции, став центром растущего многонационального государства, Вена быстро превращается в "столицу мира" взамен пришедшего в упадок Парижа. На плане прекрасно виден концентрический центр старого города, окруженный компенсирующим кольцом парков. Новые районы утрачивают радиально-концентрическую структуру и все больше напоминают прямоугольную сетку в духе Манхэттена / The plan of Vienna in 1824